

ПОГРЕБЕНИЯ СО СТОЯНКИ ОКУНЕВКА В СЕВЕРНОМ ПРИАНГАРЬЕ

А. А. Адамов, П. Г. Данилов, Н. П. Турова

Тобольская комплексная научная станция УРО РАН, Тобольск

Аннотация. В научный оборот вводится информация о четырех погребениях, обнаруженных во время раскопок стоянки Окуневка (Северное Приангарье). На основе анализа особенностей погребального обряда и сопроводительного инвентаря делается вывод о культурной и хронологической принадлежности новых погребений. По аналогиям с материалами из известных погребальных комплексов Северного Приангарья захоронения № 2–4 отнесены к цэпаньской культуре раннего железного века (VIII–II вв. до н. э.). Ввиду отсутствия в погребениях узко датированного инвентаря более точное определение возраста в рамках культуры затруднено. Определение культурно-хронологической привязки погребения № 1 на данном этапе исследования остается под вопросом.

Ключевые слова: Северное Приангарье, стоянка Окуневка, кремация, ингумация, вторичное погребение, ранний железный век, цэпаньская культура.

ВВЕДЕНИЕ

За последние несколько лет в зоне затопления Богучанской ГЭС на р. Ангаре проведены масштабные археологические исследования, однако значительная часть полученных материалов до сих пор не опубликована. Это относится, в том числе, и к материалам многослойной стоянки Окуневка. Настоящая статья посвящена вводу в научный оборот материалов погребений, обнаруженных в результате спасательных археологических работ под руководством А. А. Адамова на вышеназванном объекте в 2011 г.

Стоянка находится в Кежемском р-не Красноярского края, в 17 км к юго-западу от с. Недокура, на 10-метровой террасе левого берега р. Ангары (рис. 1). Археологический объект был открыт в 1937 г. А. П. Окладниковым [1939]. В дальнейшем исследования на нем проводили: Н. И. Дроздов в 1978–1979 гг. [Дроздов, 1980]; Д. Ю. Березин и И. В. Асеев в 1986–1989, 1992–1994, 2000 гг. [Березин, 2004]; Е. П. Рыбин в 2008–2009 гг.; И. А. Грачев в 2010 г. [Грачев, 2010]; А. А. Адамов в 2011 г. [Адамов, 2011]. Исследованные нами захоронения находились в северной части стоянки на краю современной надпойменной террасы р. Ангары. Погребения № 1–3 обнаружены в северной части раскопа № 12; погребение № 4 – в раскопе № 13. Погребения № 1–3 располагались достаточно компактно в раскопе, вдоль края террасы и на расстоянии 2 м друг от друга в направлении с юга на север.

МАТЕРИАЛЫ

Погребение № 1. Пятно подовальной формы размером 0,47×0,27 м, ориентированное в направлении СЗ–ЮВ, выявлено при зачистке горизонта 1 на глубине около 0,2 м. Яма заполнена углисто-сажистой супесью. На уровне зачистки второго горизонта, на глубине около 0,35 м, выявлены жженные фрагменты человеческих костей белого и черного цвета. Креми-

рованные останки четко локализованы в пределах овального контура размером 0,27×0,19 м, что свидетельствует о том, что кремация была произведена на стороне, а жженные кости были ссыпаны в специально выкопанную ямку овальной формы с плоским дном. Общая толщина пласта жженных останков – около 0,08 м. Сопроводительный инвентарь не обнаружен.

Погребение № 2 (рис. 2). Пятно подпрямоугольной формы размером 1,02×0,31 м, ориентированное в направлении СЗ–ЮВ, выявлено при зачистке горизонта 1 на глубине около 0,22 м. Заполнение – углисто-сажистая супесь. На глубине 0,28 м обнаружены кости черепа человека. Произведенная на уровне горизонта 2 зачистка позволила зафиксировать могильное пятно подовальной формы, размером 1,43×0,5 м, длинной осью ориентированное по линии СЗ–ЮВ. Границы могильной ямы читались слабо, заполнение состояло из серой и темно-серой супеси. Дальнейшая расчистка погребения показала, что анатомический порядок костей нарушен, а останки взрослого индивида и сопроводительный инвентарь располагаются достаточно плотным скоплением в несколько слоев, на небольшом по размерам пространстве (1,3×0,45 м). Основная масса костей зафиксирована на высоте от +1,71 до +1,83 м (здесь и далее относительные высоты указываются от уровня современной дневной поверхности, от единого «нулевого» репера). При внимательном рассмотрении в расположении костей погребенного можно установить определенный порядок. Если в западной части могилы находятся преимущественно кости верхней части скелета, то в восточной – нижней части скелета. Погребение можно интерпретировать как вторичное. На некоторых костях, расположенных преимущественно в центральной части могилы, в верхнем ярусе, имеются следы обожжения, что в совокупности с углистым заполнением верхнего яруса могильной ямы свидетельствует об использовании огня в погребальном ритуале.

В погребении зафиксирован следующий инвентарь: в восточной части могилы, среди костей ног, найден бронзовый кинжал (рис. 3, 1) и 4 бронзовые бочонковидные бусины (рис. 3, 2), 3 из которых находились слева от черепа, а одна – у самой кромки боковой (южной) стороны могилы.

Погребение № 3 (рис. 4). Пятно подпрямоугольной формы размером 1,25×0,38 м, ориентированное по линии З–В, зафиксировано на уровне зачистки горизонта 2 на глубине около 0,4 м. Заполнение – темно-серая супесь. Границы могильной ямы читались слабо. После выборки заполнения и прилегающего к нему пространства расчищены останки погребенного (взрослого человека), который находился в вытянутом положении на спине. Руки располагались вдоль туловища, при этом кости левой руки размещались под тазовой костью. Костяк ориентирован по линии З–В (головой на запад), перпендикулярно краю террасы р. Ангары. Останки находились на участке размером 1,5×0,4 м. Часть скелета хорошо сохранилась и находилась в анатомическом порядке: это кости верхних, нижних конечностей и таза, поясничный и часть грудного отдела позвоночного столба. Отсутствовали плечевые кости, грудина, лопатки, кости шейного и части грудного отдела позвоночника, большая часть ребер. От черепа сохранились лишь небольшие фрагменты черепной коробки в западной части погребения, а также 2 зуба, находившихся между бедер, восточнее тазовых костей (+1,8 м). Здесь же найдены фрагменты ребра и ключицы. Так как погребение расположено на самом краю террасы, западная его часть находится ниже, чем основная часть могилы вследствие сползания грунта.

Ранее, в предварительной публикации, нами отмечалось, что отсутствие части костей вызвано именно этой топографической особенностью участка [Адамов, 2011, с. 351]. Однако, учитывая отсутствие многих костей, смещение частей черепа (зубов), а также фрагмента ребра и ключицы в противоположном от естественного смещения грунта направлении, следует признать, что нарушение анатомической целостности костяка, вероятнее всего, является частью погребального ритуала.

В захоронении обнаружена коллекция костяных изделий (рис. 5): 7 наконечников стрел разных типов (три с расщепленным насадом), находившихся по обе стороны от центральной части левой бедренной кости погребенного (+1,69 м), остриями к ногам (рис. 5, 3–8); наконечник с треугольным в сечении пером и длинным черешком найден в районе грудной клетки (+1,63 м) (рис. 5, 1).

Чуть выше тазовых костей (+1,76 м), над несохранившимся крестцом, найдена бронзовая пронизка – бабочковидная бляшка (рис. 5, 2). Также в погребении, между бедренными костями, обнаружен небольшой (1,5×1,3 см) фрагмент керамики с мелким угловым орнаментом, возможно, попавший в погребение с засыпкой.

Погребение № 4 (рис. 6). При зачистке горизонта 2 на площади раскопа 13, на глубине около 0,45 м выявлены контуры пятна подовальной формы размером 0,94×0,5 м, ориентированного по линии СЗ–ЮВ. Заполнение его неоднородное: в восточной части углистая прослойка, в западной – серая супесь. Границы могильной ямы читались слабо. Выявлена черепная коробка человека (высота +1,32 м), а также другие кости скелета (мелкие фрагменты плохой сохранности): позвонки, нижняя челюсть, зуб, фрагменты ребер, кости рук, беспорядочно лежащие на участке размером 1,65×0,4 м, вытянутом по оси ЗС–ВВЮ. Глубина залегания костей – 0,55–0,7 м.

В районе черепа найден каменный наконечник стрелы (рис. 7, 3) и крупная галька с заглаженным торцом. В противоположном конце могилы обнаружена костяная проколка (рис. 7, 2) и игольник, выполненный из трубчатой кости с необработанными краями, внутри которого сохранилась бронзовая игла (рис. 7, 1–1а).

КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ АТТРИБУЦИЯ ПОГРЕБЕНИЙ

Погребение № 2, в котором кости взрослого индивида размещены компактно на дне могилы, определено нами как вторичное. Судя по отсутствию среди останков костей, находящихся в сочленении, в могилу укладывались кости, уже лишенные мягких тканей и связок. В Северном Приангарье захоронения, в которых зафиксированы следы преднамеренных манипуляций с костями умершего, приводящие к нарушению анатомической целостности костяка, датируются эпохами неолита – бронзы [Гаркуша, 2013, с. 193]. Это отмечено и в погребальных комплексах цэпаньской культуры раннего железного века [Привалихин, 1993, с. 193; Герман, Казакова, 2014, с. 82, 86].

Следы обожжения на костях погребения № 2 и углистая прослойка в верхнем ярусе заполнения могилы свидетельствуют о наличии ритуалов с использованием огня на заключительной стадии совершения захоронения. Следы огня прослеживаются в обряде погребальных комплексов на археологических объектах Кода 3 [Археологические комплексы ... , 2012, с. 199], Сергушкин 3 [Герман, Леонтьев, 2010, с. 501], Пашина [Гаркуша, 2013, с. 187], Отико [Привалихин, 1993, с. 10]. Датировка этих погребений варьирует в пределах конца бронзового – начала железного веков.

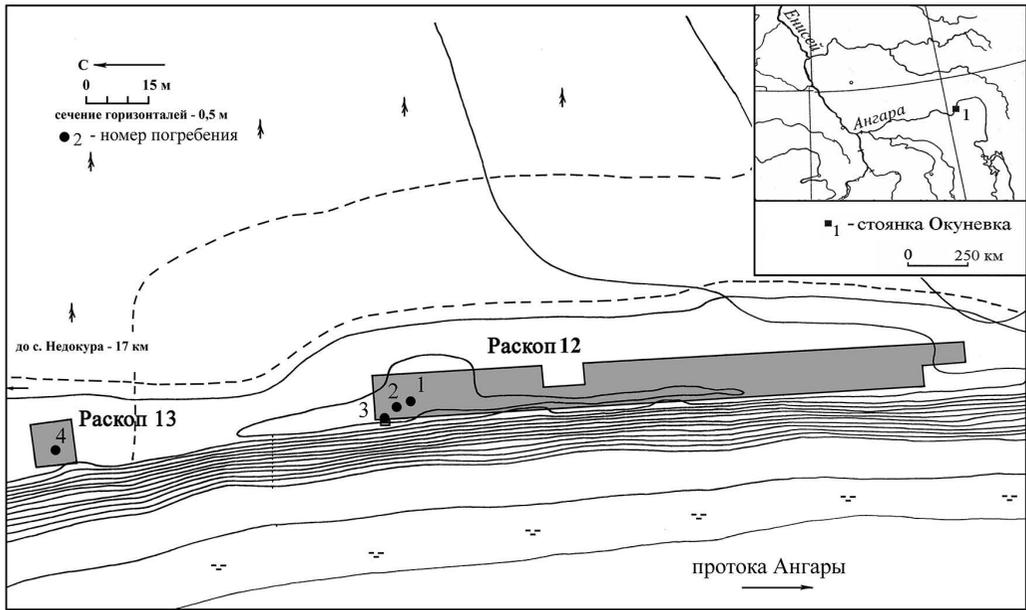

Рис. 1. Схема расположения и топографический план раскопов 12 и 13 стоянки Окуневка

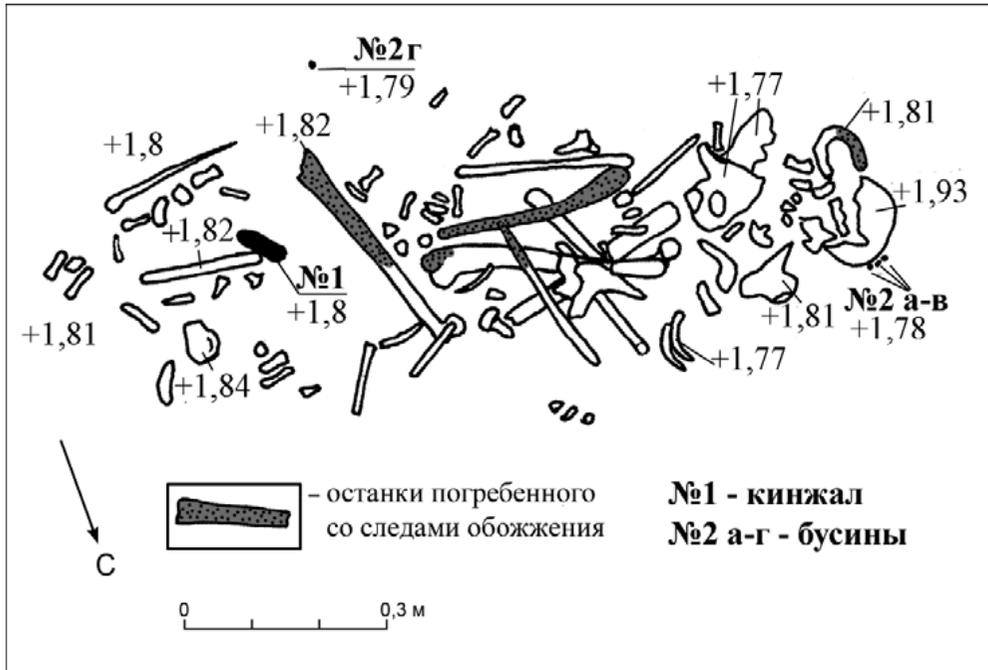

Рис. 2. Стоянка Окуневка. Общий план погребения 2

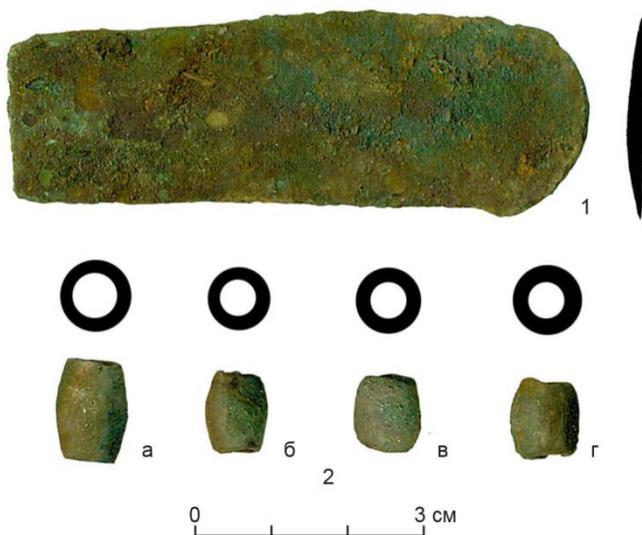

Рис. 3. Стоянка Окуневка. Инвентарь погребения 2 (материал: бронза)

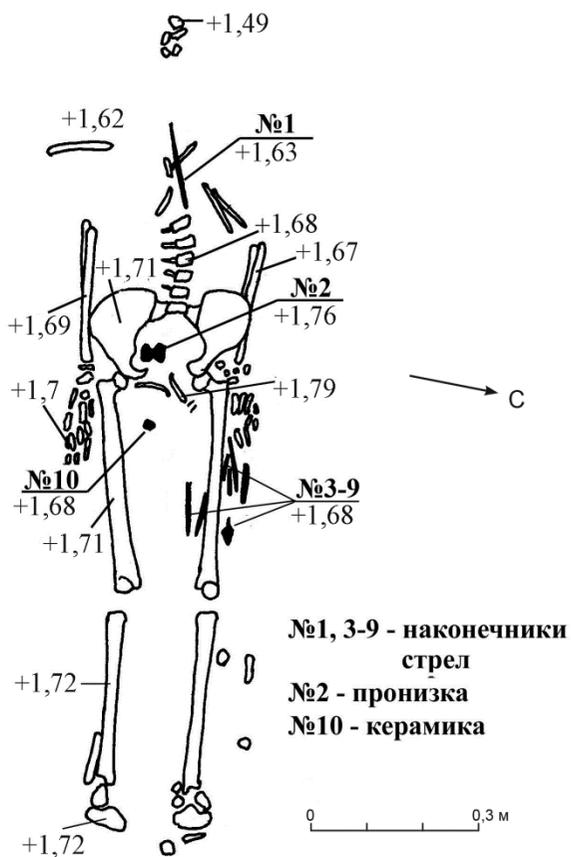

Рис. 4. Стоянка Окуневка. Общий план погребения 3

Рис. 5. Стоянка Окуневка. Инвентарь погребения 3
(материал: 2 – бронза, остальное – кость)

Бронзовые бочонковидные бусины в материалах памятников Северного Приангарья встречаются крайне редко. На стоянке Сергушкин 3 они датированы ранним железным веком [Привалихин, 1993, с. 16], а на стоянке Пашина – эпохой поздней бронзы [Гаркуша, 2013, с. 187].

Ближних аналогий бронзовому двухлезвийному кинжалу без черешка выявить не удалось, однако следует отметить, что бронзовые кинжалы встречаются в материалах цэпаньской культуры [Привалихин, 2011, рис. 2, 28–29].

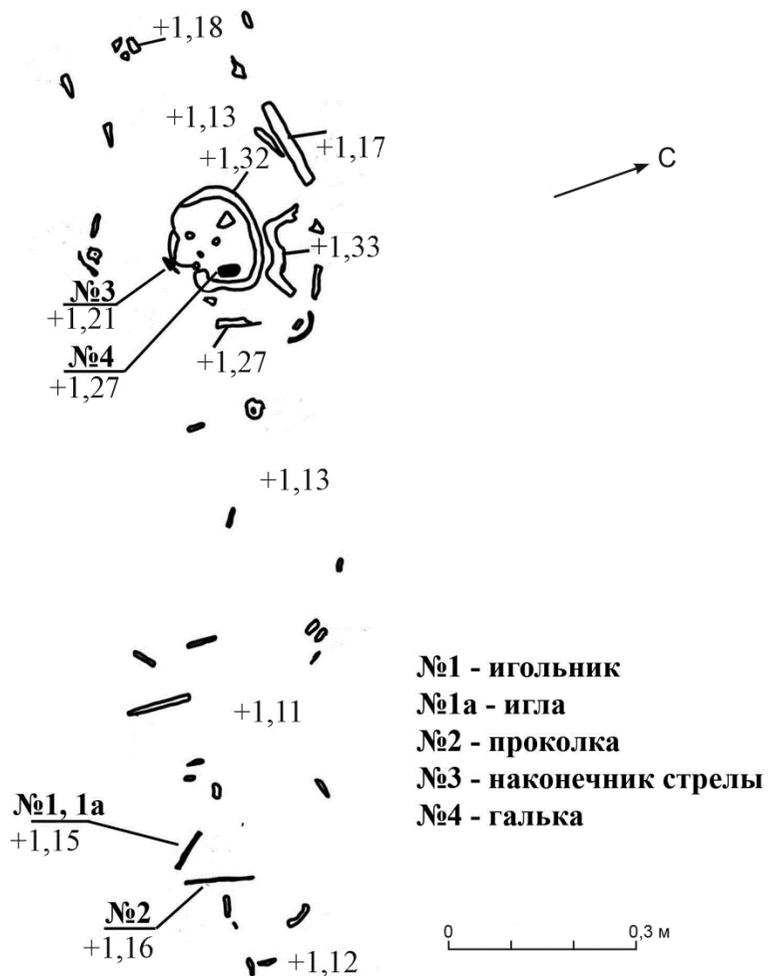

Рис. 6. Стоянка Окуневка. Общий план погребения 4

В. И. Привалихин отмечает в числе характерных черт погребальной обрядности цэпаньской культуры трупорасчленение, обычай повторного захоронения костей умершего, частичную кремацию, присутствие следов внутримогильного костра [Привалихин, 2011, с. 166]. Основываясь на этих признаках, погребение № 2 предварительно можно отнести к цэпаньской культуре VIII–V вв. до н. э.

Погребение № 3, совершенное по обряду вторичной ингумации, по особенностям погребального обряда также можно отнести к цэпаньской культуре. В пользу этого свидетельствует и сопроводительный инвентарь, в частности костяные наконечники стрел с расщепленным насадом, которые В. И. Привалихин отмечает в инвентаре погребений цэпаньской культуры [Привалихин, 1993, с. 19]. Аналогии им известны из материалов погребения № 13 могильника Сергушкин 3 [Герман, Казакова, 2014, с. 82], могильника Усть-Шилка II (VI в. до н. э.) [Мандрыка, 2008, с. 121]. Найденная в области таза бабочковидная бляшка – аналог изделия из погребения на стоянке Кода 3, датированного ранним железным веком [Археологические комплексы ..., 2012, с. 199].

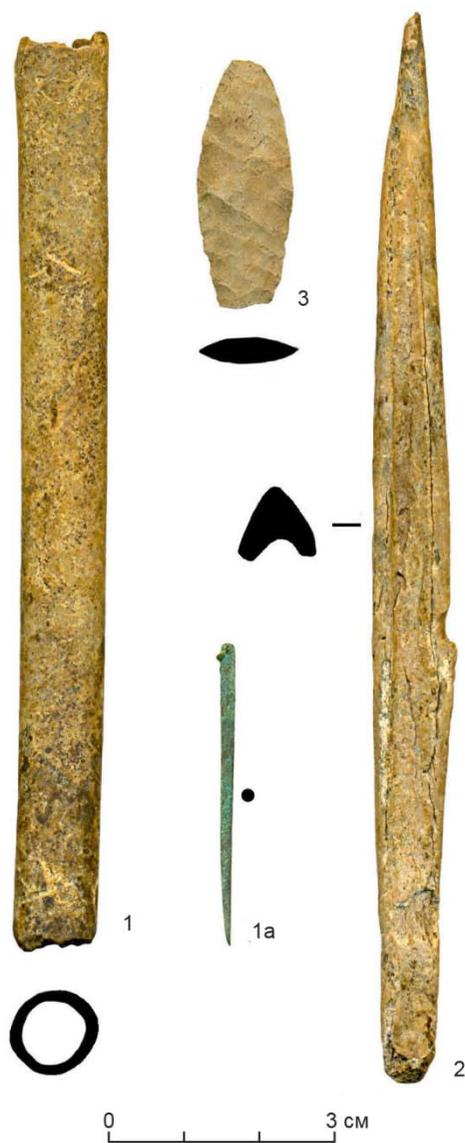

Рис. 7. Стоянка Окуневка. Инвентарь погребения 4
(материал: 1, 2 – кость, 1а – бронза, 3 – камень)

Значительное сходство с окуневским погребением обнаруживает упомянутое захоронение № 13 из могильника Сергушкин 3, отнесенное исследователями к цэпаньской культуре и датированное VI–II вв. до н. э. [Герман, Казакова, 2014, с. 80, 87]. В обоих погребениях анатомическое соответствие элементов скелета наблюдается лишь в области нижних конечностей, а могилы ориентированы перпендикулярно реке. Учитывая состояние и расположение костей, исследователи предположили, что погребение № 13 могильника Сергушкин 3 было совершено спустя какое-то время, после смерти, достаточное для разрушения мягких тканей верхней части скелета. Сходен и сопроводительный инвентарь. Нарушение в верхней

части туловища наблюдается и в цэпаньском погребении № 2 стоянки Сосновый Мыс 2, датированном V–IV вв. до н. э. [Привалихин, 1993, с. 12; Привалихин, 2011, рис. 4].

Учитывая вышеприведенные случаи, мы считаем возможным говорить о преднамеренных манипуляциях с останками умершего в рамках погребальной обрядности, приведших к нарушению анатомического соответствия костных элементов и отсутствию части костей.

Погребение № 4 – вторичное. По сопроводительному инвентарю датировать его достаточно сложно. Игольники с бронзовыми иглами часто встречаются в материалах погребений конца бронзового – начала железного веков Северного Приангарья. В частности, известны они на местонахождениях Отико, Сосновый Мыс 2 (цэпаньская культура) [Привалихин, 1993, с. 10, 12], в могильнике Усть-Шилка II [Мандрыка, 2008, с. 129], на стоянке Пашина [Гаркуша, 2013, с. 191]. В то же время игольники с бронзовой иглой сами по себе не могут выступать в качестве датирующего материала, поскольку они были широко распространены и без особых изменений сохранились до этнографической современности у многих народов [Гаркуша, 2013, с. 191]. Каменный наконечник подовальной формы не типичен для цэпаньских погребений (для них характерны наконечники подтреугольной формы, значительно реже – трапециевидной) [Привалихин, 1993, с. 19]. Тем не менее по особенностям погребального обряда погребение № 4 предварительно отнесено нами к цэпаньской культуре.

Погребение № 1 представляет собой полную кремацию на стороне с последующим захоронением останков в яме. Вопрос его датировки затруднен, поскольку отсутствует сопроводительный инвентарь. Однако вероятность принадлежности данного комплекса к цэпаньской культуре исключать нельзя, поскольку он находится в непосредственной близости от погребений № 2 и № 3, а обряд кремации характерен для захоронений цэпаньцев на втором этапе существования культуры – в IV–II вв. до н. э. [Привалихин, 2011, с. 170].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По аналогиям с материалами из известных погребальных комплексов Северного Приангарья захоронения № 2–4 отнесены нами к цэпаньской культуре раннего железного века. Ввиду отсутствия в комплексах узко датируемого инвентаря точное определение возраста в рамках культуры затруднено. Культурно-хронологическая атрибуция погребения № 1 на данном этапе исследования остается под вопросом.

Дальнейшее изучение североангарских могильников, возможно, позволит скорректировать и обосновать ранее предложенные этнокультурные построения, что может привести к решению некоторых проблемных аспектов ранней истории народов Сибири.

Список литературы

Адамов А. А. Результаты полевых работ на стоянке Окуневка (Северное Приангарье) / А. А. Адамов, П. Г. Данилов, Н. П. Турова // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – Т. 17. – С. 350–353.

Археологические комплексы стоянки Кода-3 (Северное Приангарье) / В. С. Славинский, А. А. Анойкин, А. Г. Рыбалко, Е. А. Казакова, К. И. Милютин // Вест. Новосибир. гос. ун-та. Сер. История, филология. – 2012. – Т. 11, вып 7. – С. 194–205.

Березин Д. Ю. Неолитическая керамика стоянки «Окуневки» / Д. Ю. Березин // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – Т. 10, ч. 1. – С. 40–46.

Гаркуша Ю. Н. Погребения на стоянке Пашина (Северное Приангарье): проблемы определения хронологической и культурной принадлежности / Ю. Н. Гаркуша, Ж. В. Марченко, А. Е. Гришин // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер. История, филология. – 2013. – Т. 12, вып. 7. – С. 186–197.

Герман П. В. Новые материалы Цэпаньской культуры Северного Приангарья (погребение 13 могильника Сергушкин-3) / П. В. Герман, Е. А. Казакова // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – 2014. – № 3 (26). – С. 80–89.

Герман П. В. Результаты полевых исследований на памятниках Сергушкин-3 и Взвоз в Северном Приангарье / П. В. Герман, С. Н. Леонтьев // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – Т. 16. – С. 500–505.

Грачев И. А. Предварительные итоги полевых исследований на стоянке Окуневка в 2010 году / И. А. Грачев // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – Т. 16. – С. 506–508.

Дроздов Н. И. Работы Североангарской экспедиции / Н. И. Дроздов // Археологические открытия 1979 года. – М. : Наука, 1980. – С. 203–204.

Мандрыка П. В. Могильник Усть-Шилка II как индикатор культурно-исторической ситуации раннего железного века Енисейского Приангарья / П. В. Мандрыка // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер. История, филология. – 2008. – Т. 7, вып. 3. – С. 117–131.

Окладников А. П. Неолитические находки в низовьях Ангары (к итогам работ 1937 г.) / А. П. Окладников // ВДИ. – 1939. – № 4. – С. 181–186.

Привалихин В. И. Ранний железный век Северного Приангарья (Цэпаньская культура) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / В. И. Привалихин. – Кемерово, 1993. – 24 с.

Привалихин В. И. Цэпаньская культура раннего железного века Северного Приангарья. История открытия, результаты и перспективы исследований / В. И. Привалихин // Второй век подвижничества : сб. науч. ст. – Красноярск : Краснояр. краев. краевед. музей, 2011. – С. 161–185.

BURIALS OF THE OKUNEVKA SITE IN NORTHERN ANGARA REGION

A. A. Adamov, P. G. Danilov, N. P. Turova

Tobolsk complex scientific station, UB RAS, Tobolsk, Russia

Abstract. The publication enters into scientific circulation information about the new burials of the multilayer site Okunevka of the Northern Angara region. In the northern part of the monument in two excavations, it was discovered four burials. Burial № 1 is a full cremation – it is the perfect state. The cremated remains placed in a small hole. Inventory no. Burial № 2 – secondary, have recorded traces of burned bones in the grave. Burial № 3 is a secondary inhumation. The buried person laid in the grave stretched on his back, arms at your sides; the skeleton is oriented along east-west axis. The upper part of the skeleton is broken. Burial № 4 is a secondary burial. Similarly, with the materials of the famous funerary complexes Northern Angara the burials № 2–4 are determined as the Tsepan culture of the Early Iron Age (8th–2nd cent. BC.). In the absence of burials, that dated narrowly the inventory, more precise dating is difficult within the framework of culture. Defining cultural and chronological binding burial 1 at this stage of the study is questionable. A feature of the burials № 2–4 is the practice of the deliberate violation of the anatomical matching bone elements (total or partial), the use of fire in the ritual (burned bones in the grave № 2, traces of fire in filling the grave № 4). Burial № 2–4 referred us to the Tsepan culture. These secondary burials quite vividly illustrate a part of the funeral rites, which was a deliberate manipulation of the body to its final burial. Dating burial № 1 failed.

Keywords: Northern Angara region, site Okunevka, cremation, inhumation, secondary burials, Early Iron Age, Tsepan culture.

References

Adamov A. A., Danilov P. G., Turova N. P. Rezultaty polevykh rabot na stoyanke Okunevka (Severnoe Priangarie) [The results of the field works on the Okunevka site (North Angara Region)]. *Problemy arkhologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredelnykh territorii* [Problems of archeology, ethnography, anthropology of Siberia and neighboring territories]. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2011, Vol. 17, pp. 350–353. (in Russ.)

Slavinskii V. S., Anoin A. A., Rybalko A. G., Kazakova E. A., Milyutin K. I. Arkheologicheskie komplekсы stoyanki Koda 3 (Severnoe Priangarie) [Archaeological complexes of the Koda 3 site (Northern Angara Region)]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya, filologiya* [Bulletin of Novosibirsk State University. Series History, Philology]. 2012, Vol. 11, Is. 7, pp. 194–205. (in Russ.)

Berezin D. Yu. Neoliticheskaya keramika stoyanki Okunevki [Neolithic pottery of the Okunevka site]. *Problemy arkhologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredelnykh territorii* [Problems of archeology, ethnography, anthropology of Siberia and neighboring territories]. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2004, Vol. 10, Is. 1, pp. 40–46. (in Russ.)

Garkusha Yu. N., Marchenko Zh. V., Grishin A. E. Pogrebeniya na stoyanke Pashina (Severnoe Priangarie): problemy opredeleniya khronologicheskoi i kulturnoi prinalozhnosti [Burials in the Pashina site (Northern Angara Region): the problem of determining a chronological and cultural identity]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya, filologiya* [Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, Philology]. 2013, Vol. 12, 7, pp. 186–197. (in Russ.)

German P. V., Kazakova E. A. Novye materialy Tsepanskoi kultury Severnogo Priangarya (pogrebenie 13 mogilnika Sergushkin 3) [New materials of Tsepan Culture in the Northern Angara region (13 burial of cemetery Sergushkin 3)]. *Vestnik arkhologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography]. 2014, Is. 3 (26), pp. 80–89. (in Russ.)

German P. V., Leontiev S. N. Rezultaty polevykh issledovaniy na pamyatnikakh Sergushkin 3 i Vzvoz v Severnom Priangarie [The results of field works on the Sergushkin 3 and Vzvoz sites in the Northern Angara region]. *Problemy arkhologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredelnykh territorii* [Problems of archeology, ethnography, anthropology of Siberia and neighboring territories]. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2010, Vol. 16, pp. 500–505. (in Russ.)

Grachev I. A. Predvaritelnye itogi polevykh issledovaniy na stoyanke Okunevka v 2010 godu [Preliminary results of field works at the Okunevka site in 2010]. *Problemy arkhologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredelnykh territorii* [Problems of archeology, ethnography, anthropology of Siberia and neighboring territories]. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2010, Vol. 16, pp. 506–508. (in Russ.)

Drozov N. I. Raboty Severoangarskoi ekspeditsii [Works of Severoangarskaya expedition]. *Arkheologicheskie otkrytiya 1979 goda* [Archaeological discoveries 1979]. Moscow, Nauka Publ., 1980, pp. 203–204. (in Russ.)

Mandryka P. V. Mogilnik Ust-Shilka II kak indikator kulturno-istoricheskoi situatsii rannego zheleznogo veka Eniseiskogo Priangarya [The cemetery Ust-Shilka II as an indicator of cultural and historical situation of the Early Iron Age in Yenisei-Angara Region]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya, filologiya* [Bulletin of Novosibirsk State University. Series History, Philology]. 2008, Vol. 7, Is. 3, pp. 117–131. (in Russ.)

Okladnikov A. P. Neoliticheskie nakhodki v nizoviyakh Angary (k itogam rabot 1937 g.) [Neolithic finds on the Lower Angara (results of the works 1937)]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History]. 1939, 4, pp. 181–186. (in Russ.)

Privalikhin V. I. *Rannii zheleznyi vek Severnogo Priangarya (Tsepanskaya kultura). Avtoref. diss. kand. istor. nauk* [Early Iron Age of Northern Priangarye (Tsepan culture). Cand. of histor. sci. syn. diss.]. Kemerovo, 1993, 24 p. (in Russ.)

Privalikhin V. I. Tsepanskaya kultura rannego zheleznogo veka Severnogo Priangarya. Istoriya otkrytiya, rezultaty i perspektivy issledovaniy [Tsepan culture of the Early Iron Age in Northern Angara region. History of the discovery, research results and prospects]. *Vtoroi vek podvizhnichestva* [The second age of asceticism]. Krasnoyarsk, 2011, pp. 161–185. (in Russ.)